

A woman with dark hair in a bun, wearing a dark, patterned coat, stands in a dimly lit room. She holds a wand that emits a glowing orange light, which forms a wavy trail across the room. In the background, there is a wooden chair and a large, ornate door with a circular emblem featuring scales of justice. The overall atmosphere is mysterious and dramatic.

PUSTOY

НУЛЕВОЙ ЭПИЗОД

ЧУЖАЯ РЕПЛИКА

Pustoy Pustoy

Чужая реплика

<https://litres.ru/74309409>

SelfPub; 2026

Аннотация

Суфлёрша исчезает после приказа, отданного голосом Руфина — человека, который этих слов не произносил. Агата Белич умеет слышать швы в чужих голосах и открывать простые замки убедительной подделкой. Но защищённая печать требует настоящего права, до полуночи похитители ждут весь театральный архив, а единственный человек, способный привести Агату к пленнице, работает за кулисами. Чтобы спасти девушку, Агате придётся поставить спектакль для одного слушателя — и рискнуть оставить Палате свежий след. Самостоятельный нулевой эпизод романа «Голос, которым он убивает».

Содержание

Глава 1. Голос, которого не было	5
Глава 2. Дверь, которая не поверила	12
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Pustoy

Чужая реплика

НУЛЕВОЙ ЭПИЗОД

Чужая реплика

Затравка к роману «Голос, которым он убивает»

Pustoy

2026

Глава 1. Голос, которого не было

В голосе Руфина было четыре шва.

— Мара, возьми свёрток из голосового архива и отнеси в старый склад, — повторила восковая полоска.

Любой другой услышал бы пожилого хозяина театра: мягкий бас, лёгкую одышку и привычку растягивать первое «а» в имени ученицы. Я слышала четыре разные комнаты, три вдоха и человека, которого кто-то аккуратно разрезал на слова.

Повторить этот голос я могла после одного хорошего образца. Вложить в него настоящее право Руфина — нет.

— Ещё раз, — попросила я.

Руфин повернул ручку проигрывателя. Игла вернулась к началу дорожки.

— Если от этого я признаюсь, что всё-таки произнёс фразу, крути до утра, — сказал он.

— До утра Мара может не дожить.

Он перестал шутить.

Мы сидели в пустой суфлёрской будке под сценой. Над головой актёры репетировали смерть короля. Король падал третий раз, всякий раз слишком рано, и режиссёр сверху требовал уважать хотя бы порядок собственного убийства.

Мара обычно подсказывала им текст из этой будки. Сегодня её стул пустовал. На столе осталась раскрытая пьеса,

будто девушка собиралась вернуться после одной короткой реплики.

Я снова опустила иглу.

— Мара, возьми свёрток из голосового архива и отнеси в старый склад.

Первый кусок записали в большой репетиционной комнате: после слова «Мара» едва слышно отзывалось пианино. «Возьми свёрток» Руфин говорил возле занавеса — в конце каждого слова шуршал тяжёлый бархат. «Из голосового архива» вырезали из дикционного упражнения, поэтому он дышал медленно и слишком правильно. Последние четыре слова сохранили скрип кресла в зрительном зале.

— Ты нигде не произносил весь приказ, — сказала я. — Зато произносил каждую его часть.

Руфин закрыл глаза.

— На репетициях я произношу половину языка. Если достаточно долго слушать, можно собрать даже предложение о моей добровольной трезвости.

— Для такого предложения не хватит убедительных образцов.

Он посмотрел на меня без благодарности. Это было справедливо.

В Соборине голос мог открыть дверь или подтвердить имя, а знакомый властный голос заставлял подчиниться раньше, чем человек успевал проверить, кому он принадлежит. Я воспроизводила чужую речь достаточно точно для че-

ловеческого уха и простого замка. Таких, как я, называли переголосницами. Палата клятв предпочитала слово «обвиняемая».

— Когда Мара исчезла? — спросила я.

— После вечерней репетиции. Около девяти. Она услышала меня по внутренней трубе, взяла со стола свёрток и пошла в старый склад декораций. Привратник видел, как она пересекла двор. Через четверть часа на её месте лежала эта полоска.

— Что было в свёртке?

— Старые афиши. Ничего ценного.

Он ответил слишком быстро.

Я вытащила иглу из проигрывателя и положила остриём к нему.

— Руфин.

— Афиши и копия каталога голосового архива.

— Уже лучше.

— Она не должна была знать, что каталог внутри.

— Теперь знает тот, кто приказал ей взять свёрток.

Руфин потёр переносицу. Серые волосы падали на лоб, жилет был застёгнут не на ту пуговицу. Он одевался в темноте или в страхе; для него это почти одно и то же.

— Настоящий каталог остался в архиве, — сказал он. — В копии только имена, даты и номера полок. Без самих полос ничего не сделать.

— Значит, похитителям понадобятся сами полосы.

Он достал из внутреннего кармана чёрный лист. Буквы проступали серебром там, где к бумаге прикасались пальцы.

«К полуночи вынести весь голосовой архив через старый склад. Один человек. Без Палаты. Девушка вернётся после проверки».

Внизу стоял отпечаток большого пальца. Слишком маленький для Руфина.

— Мары? — спросила я.

— Да.

— Кровь?

— Чернила.

Он снова ответил быстро, но теперь не солгал. На бумаге пахло железом, смолой и дешёвой краской. Кровь пахла бы иначе.

— Почему не позвал городскую стражу?

— Послал человека. Он вернулся с ответом: заявление примут утром, если девушка не появится сама.

— А Палата?

Руфин покосился на лестницу, будто каменные ступени могли донести вопрос чиновнику.

— В архиве есть старые учебные полосы без регистрации. Если Палата войдёт, театр закроют до проверки. Меня оштрафуют. Нескольких актёров обвинят. Тебя арестуют.

— Последнее наконец звучит как серьёзная причина.

— И похитители увидят мундиры раньше, чем стража найдёт Мару.

Это было главной причиной. Остальные он поставил перед ней, потому что стыдился собственного страха меньше, когда тот выглядел списком хозяйственных неприятностей.

Я развернула чёрный лист к лампе. Бумагу сложили втрое. В среднюю складку набилась белая пыль, а у нижнего края засохла капля синей краски.

— Где старый склад?

— За красильней, в бывшей каретной. Там держим декорации, которые слишком опасны для сцены и слишком дороги для печи.

— Удобное место для театра.

— У театра других не бывает.

Белая пыль была не дорожной: мелко растёртый гипс. Синяя капля ещё пахла театральным клеем.

— Что сейчас красят в старом складе?

— Морской дворец. Гипсовые колонны, синее море.

Значит, записку складывали в старом складе. Мара дошла туда — или похитители очень хотели, чтобы мы так решили.

— Кто знал, что она послушается твоего голоса?

— Все в труппе. Мара работает у меня второй год.

— Кто имел доступ к старым репетиционным полосам?

Руфин не ответил.

Над нами король наконец упал вовремя. За сценой ударили в железный лист, изображая гром, и чей-то счастливый голос объявил, что государство спасено.

— Каспар Войт, — сказал Руфин. — Наш архивариус. Он

хранит записи, режет учебные образцы и собирает фразы для внутренних замков.

— И где он сейчас?

— Наверху. Проверяет второй акт.

— Очень ответственно.

— Каспар работает здесь пятнадцать лет.

— Тогда у него было достаточно времени научиться резать воск.

Руфин накрыл чёрный лист ладонью.

— Не обвиняй его раньше доказательств.

— Я ещё никого не обвиняла. Только заранее разочаровалась.

Я собрала инструменты: иглу, тонкий нож, слушательную дужку и три пустые полосы. Проигрыватель оставила Руфину.

— Сначала архив. Потом склад.

— До полуночи меньше трёх часов.

— Значит, короля придётся убить с первого раза.

Мы поднялись к сцене. Актёры уже выстраивались для следующей сцены. Каспар Войт стоял у бокового занавеса с папкой в руках и слушал реплики так внимательно, будто каждая принадлежала ему.

Когда он увидел меня, взгляд на мгновение опустился к моему горлу.

Не к лицу.

Умный человек боялся бы разыскиваемой преступницы.

Архивариус боялся того, что я услышу.

Глава 2. Дверь, которая не поверила

Каспар Войт был худым мужчиной с лицом, которое легко забыть между двумя поклонами. Седая прядь лежала ровно над правой бровью. На большом пальце он носил кожаный напёрсток, почерневший от воска.

— Руфин, — сказал он. — Прогон второго акта начинается через семь минут.

— Начнётся через девять. Король опять умирает раньше музыки.

Каспар перевёл взгляд на меня.

— А это кто?

Я ответила его голосом:

— Каспар Войт. Прогон второго акта начинается через семь минут.

Архивариус отступил на полшага. Я не просто повторила высоту. Сохранила сухое «р», паузу перед числом и едва слышное касание языка о зуб на слове «семь».

— Агата помогает мне проверить архив, — сказал Руфин.

— Она не имеет права туда входить.

— Поэтому я иду с ней.

— Я говорю о законе.

— А я — о праве владельца театра.

Каспар прижал папку к груди.

— После исчезновения Мары нельзя нарушать порядок хранения.

— После исчезновения Мары порядок хранения уже нарушен, — сказала я своим голосом. — Если хотите, можете остаться здесь и следить, чтобы короля не убили без описи.

Руфин двинулся к боковому коридору. Я пошла следом. Каспар остался у занавеса, но его дыхание ещё несколько секунд различалось среди голосов актёров: короткий вдох, задержка, медленный выдох. Так дышат люди, которым приходится выбирать, за какой неприятностью следить первой.

Первая дверь в коридоре открывалась обычным голосовым замком. На медной пластине было выгравировано имя ночного привратника. Я слышала этого человека у входа: он трижды отказался пропускать меня и каждый раз с особым удовольствием произнёс собственную должность.

Я повторила его сиплым голосом:

— Ночной привратник. Открыть служебный коридор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.